М. Д. Яснов

ORCID: 0000-0003-0461-8441
✉ *yasnovmd@mail.ru*
независимый исследователь
(Россия, Санкт-Петербург)

Перевод как полиавторство: к вопросу о переперевводах

Аннотация. В статье на примере переводов из Поля Верлена рассматривается случай переперевода. В каждом поколении подспудно нарастает недовольство прежними интерпретациями классики: меняется язык, проясняются исторические реалии, снимаются разного рода идеологические и этические запреты. Перевод предполагает полиавторство, растянутое во времени. В качестве примеров выбраны стихотворения Верлена, иллюстрирующие три повода для переперевода, предпринятого автором данной статьи: во-первых, исчерпанность формального приема при переводе стихотворения («Осенняя песня» / «Chanson d'automne»); во-вторых, необходимость уточнить реалии («Гул гнусных кабаков…» / «Le bruit des cabarets…»); в-третьих, необходимость приближения перевода к оригиналу в разных аспектах, в том числе с точки зрения аллитерации («Поэтическое искусство» / «Art poétique»). В случае с «Осенней песней» для сравнения приводятся переводы, выполненные Анатолием Якобсоном и Владимиром Васильевым, демонстрирующие различные возможности для передачи насыщенной музыкальности стихотворения Верлена.

Ключевые слова: французская поэзия, Верлен, школа перевода, оригинал, перевод, переперевод, культура, цивилизация

Для цитирования: *Яснов М. Д.* Перевод как полиавторство: к вопросу о переперевводах // Шаги/Steps. Т. 5. № 3. 2019. С. 206–215. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-206-215.

Статья поступила в редакцию 27 декабря 2018 г.
Принято к печати 3 марта 2019 г.

© М. Д. ЯСНОВ

M. D. Yasnov

ORCID: 0000-0003-0461-8441
✉ *yasnovmd@mail.ru*

Independent Researcher
(Russia, St. Petersburg)

Translation as polyauthorship: Concerning re-translations

Abstract. The article deals with re-translation as exemplified by translations of Paul Verlaine. Within each generation there develops a discontent with previous interpretations of the classics: the language changes, elements of the historical context come into clear focus, various ideological and ethical taboos are lifted. Translation presupposes polyauthorship stretched out over time. This is exemplified by several poems by Verlaine that illustrate three reasons for the re-translation udertaken by the author of this article: firstly, formal technique is no longer productive in translating the poem ("The Autumn Song" / "Chanson d'automne"); secondly, details of the historical background need to be specified ("The noise of heinous drinking houses…" / "Le bruit des cabarets"); thirdly, the translation needs to be brought as close as possible to the original on various levels, including alliteration ("The Art of Poetry" / "Art poétique"). In the case of "The Autumn Song", translations by Anatoly Yakobson and Vladimir Vasilyev, which demonstrate various ways to transmit the abundant musicality of Verlaine's poem, are provided for comparison.

Keywords: French poetry, Verlaine, school of translation, original, translation, re-translation, culture, civilization

To cite this article: Yasnov, M. D. (2019). Translation as polyauthorship: Concerning re-translations. *Shagi / Steps, 5*(3), 206–215. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-3-206-215.

Received December 18, 2018
Accepted February 25, 2019

© M. D. YASNOV

Существует определение, которое я позаимствовал у летчиков: «Полет самолета, — говорят они, — это исправление отклонений». Кажется, эта формула применима и к художественному — прежде всего поэтическому — переводу; она встает в один ряд с приписываемыми М. Л. Лозинскому словами о переводе как искусстве потерь, или с теорией функциональных соответствий А. В. Федорова, или с замечанием Иосифа Бродского о поиске эстетического баланса при переводе.

Собственно, «исправление отклонений» — это о переперевоже.

Что подвигает современных переводчиков переводить заново то, что уже вроде стало классикой? В молодости мы не раз заводили романтический разговор о том, что, возможно, самым идеальным для культуры была бы попытка каждого поколения перевести заново всю мировую литературу. При безусловной абсурдности этого утверждения время от времени созревают обстоятельства, все-таки заставляющие переводчиков обращаться к уже переведенным и вошедшим в родную культуру творениям прошлого и осмысливать их — если и не по-новому, то по крайней мере по-своему.

В каждом поколении подспудно нарастает недовольство прежними интерпретациями классики: меняется язык, проясняются исторические реалии, снимаются разного рода идеологические и этические запреты, а главное — значительные образцы литературного прошлого всегда современны. Приспособить их к злобе дня, высказать с их помощью наболевшее сегодня — святое дело.

Перевод в определенном смысле счастливей оригинальной литературы: он предполагает полиавторство, растянутое во времени. Каждое новое прочтение выделяет в переводимом тексте то существенное, на что обращаешь внимание именно сегодня. Хотя вообще-то сам факт того, что классика все чаще переводится заново, причем этот процесс достаточно лавинообразный и захватывает многие культуры, возможно, свидетельствует и о том, что мы как цивилизация движемся к новой эстетике, при которой, в частности, работа переводчика поэзии, в каждом конкретном случае новаторская, в целом становится все более консервативной. Пользуясь известным определением, я бы назвал это состояние умов таким образом: в ожидании варваров.

Три моих перевода из Верлена, которые я выбрал для иллюстрации положений о переперевоже, — это переводы из самой что ни на есть верленовской «классики». Вышедший несколько лет назад в «Литературных памятниках» двухтомник Верлена [2014] показал, насколько богата традиция интерпретаций его стихов на русском языке и насколько она открыта новым толкованиям и формальным решениям. В этом многообразии — залог непреходящего интереса отечественных читателей к французскому поэту, который, по словам Е. Г. Эткинда, «не столько личность, сколько медиум внешних сил, игралище стихий. Поэтому он с такой пристальностью и каким-то мистическим ужасом всматривается в себя, в свою душу» [Эткинд 1969: 11]. В таком взгляде «вовнутрь» каждый переводчик располагает своей оптикой. Ее чистота и точность определяют открытие новых глубин оригинала.

Выбор текстов характеризуют три причины, три повода для переперевода: во-первых, исчерпанность формального приема при переводе стихотворения («Осенняя песня»); во-вторых, необходимость уточнить реалии («Гул гнусных кабаков…»); в-третьих, необходимость приближения перевода к оригиналу в разных аспектах («Поэтическое искусство»).

* * *

Прием звукоподобия, особенно эксплуатировавшийся поэтами Серебряного века при переводе «Осенней песни», к концу XX в. был практически исчерпан. Его анализу, в частности, посвящена фундаментальная статья, сопутствующая собранию стихотворений Верлена в «Литературных памятниках» [Багно и др. 2014]. Появившийся еще в 1960-е годы и не опубликованный тогда вольный перевод А. Якобсона и напечатанный в «Литературных памятниках» в качестве основного перевод В. Васильева, построенный на неожиданных внутренних переносах слов, открывают иные возможности для передачи насыщенной музыкальности Верлена.

При анализе оригинала виден, в частности, еще один путь — возможность использовать голорим (или панторим), т. е. глубокую рифму, в данном случае охватывающую соседние строки и создающие фонетическое своеобразие перевода. Правда, будем помнить слова В. Е. Шора, посвятившего «Осенней песне» несколько страниц в своей незаконченной докторской диссертации «Чужое, но свое» и предостерегавшего: «Переводчик этого верленовского стихотворения стоит перед дилеммой, в которой любой выбор окажется неудачным: либо сохранить аллитерационную насыщенность строк одинаковыми или сходными звуками, решительно отойдя от лексики оригинала, либо воспроизвести по возможности близко лексический состав стихотворения, жертвуя его музыкальной организацией. В обоих случаях перевод получится ущербный, не воссоздающий поэтического содержания стихотворения» (цит. по: [Шор 2015: 393]).

Chanson d’automne

Les sanglots longs
Des violons
De l’automne
Blessent mon cœur
D’une langueur
Monotone.

Tout suffocant
Et blême, quand
Sonne l’heure,
Je me souviens
Des jours anciens
Et je pleure ;

Et je m’en vais
Au vent mauvais
Qui m’emporte
Deçà, delà,
Pareil à la
Feuille morte.

Перевод Анатолия Якобсона:

Осенняя песня

Вскрики
Осенней скрипки —
Ветра долгие стоны…
Душу берет в тиски
Песня тоски
Монотонной.

Дробный,
Зовущий, ровный
Звук наполняет уши…
Бой
Часов гробовой —
Слез внезапных удушье.

С пеньем
Глухим, осенним,
Закружив до упада,
Обняла, точно смерть,
Круговерть
Листопада.
[Верлен 2014 (2): 68]

Перевод Владимира Васильева:

Осенняя песня

Сражен мой дух.
Терзает слух,
Томно-хлипок,
Больной гобой
И стон назой-
ливых скрипок.

Тот мир, что был
Так сердцу мил,
Скрыт в тумане
Невольных слез
От боли вос-
поминаний.

А ветер лют.
Где мой приют?
Уж не я ли,
Как желтый лист,
Лечу во мглис-
тые дали?
[Верлен 2014 (1): 27–28]

Перевод Михаила Яснова:

Осенняя песня

Со всех сторон,
Как эхо, стон
Осенний
Мне застит свет —
В ненастье нет
Спасенья.

Под бой часов
Тоской без слов
Охвачен,
О вешних днях,
О прежних снах
Я плачу.

Туда, вперед,
Куда влечет
Вихрь шалый,
Не чуя мрак,
Лечу я, как
Лист палый.

[Яснов 2016: 371]

* * *

Стихотворение «Le bruit des cabarets…» из сборника Верлена «Добрая песня» (1870) насчитывает до десятка профессиональных переводов на русский язык; некоторые (В. Брюсова, Б. Лившица, В. Левика, Г. Шенгели) вошли в золотой фонд русской переводной поэзии. Два обстоятельства привлекли меня к попытке нового перевода. Все переводчики заканчивают стихотворение словом *рай*: «дорога в рай», «путь мой к раю», «там, в конце дороги, рай». Между тем, на мой взгляд, важнее внутренняя аллитерация последней строки («Voilà ma route — avec le paradis au bout») с *bout* в ее конце; к тому же эти *route* (путь) и *bout* (конец пути) анаграммированы в тексте оригинала (в приводящемся ниже французском тексте эти слова выделены разрядкой). По счастливому стечению звуковых обстоятельств, французские *bout*/*route* и русское *путь* предполагают в принципе схожее «у» — этот вой от нескладывающейся жизни, так многообразно переданный автором.

Le bruit des cabarets, la fange du trottoir,
Les platanes déchus s’effeuillant dans l’air noir,
L’omnibus, o u r a g a n de ferraille et de b o u e s,
Qui grince, mal assis entre ses quatre r o u e s,
Et r o u l e ses yeux verts et r o u g e s lentement,
Les o u v r i e r s allant au club, t o u t en fumant
Leur brûle-gueule au nez des agents de police,
Toits qui d é g o u t t e n t, murs suintants, pavé qui glisse,

Bitume défoncé, ruisseaux comblant l’é g o u t,
Voilà ma r o u t e — avec le paradis au b o u t.

Гул гнусных кабаков, платанов хмурый сброд,
Гниющая листва и лужи нечистот,
Разбитый омнибус, в грязи и лихорадке,
Скребущий брюхом по разъезженной брусчатке,
Мигая красным и зеленым фонарем,
Пока рабочий люд в свой клуб валит валом,
Из трубок едкий дым ажанам в нос пуская,
С крыш льет, по стенам слизь, на мостовых густая
Хлябь, и со всех сторон сочатся цвель и муть —
И это путь мой в рай, мой ежедневный путь[1].

* * *

Наконец, третий перевод — перевод «Поэтического искусства» — требовал максимального приближения к ритмической организации подлинника. С одной стороны, «ритмическая приблизительность», которую я попытался воссоздать, волей-неволей оказалась противоположной жестко организованному четырехстопному ямбу предыдущих переводов — и Брюсова, и Пастернака, и Левика; с другой стороны, хотелось уйти и от полиритмичного пафоса перевода Шенгели. И помимо этого меня смущал у всех переводчиков повтор последней строки: «Все прочее — литература» (у Шенгели: «А прочее все — литература»). Благодаря бесчисленному цитированию эта строка вошла в плоть и кровь русской культуры нашего времени — прекрасно! Поборемся за свою интерпретацию.

Art poétique

Á Charles Morice

De la musique avant toute chose,
Et pour cela préfère l’Impair
Plus vague et plus soluble dans l’air,
Sans rien en lui qui pèse ou qui pose.

Il faut aussi que tu n’ailles point
Choisir tes mots sans quelque méprise :
Rien de plus cher que la chanson grise
Ou l’Indécis au Précis se joint.

C’est de beaux yeux derrière des voiles,
C’est le grand jour tremblant de midi ;
C’est par un ciel d’automne attiédi,
Le bleu fouillis des claires étoiles !

[1] Перевод впервые публикуется в настоящей статье.

Car nous voulons la Nuance encor,
Pas la couleur, rien que la Nuance !
Oh ! la nuance seule fiance
Le rêve au rêve et la flûte au cor !

Fuis du plus loin la Pointe assassine,
L'Esprit cruel et le Rire impur,
Qui font pleurer les yeux de l'Azur,
Et tout cet ail de basse cuisine !

Prend l'éloquence et tords-lui son cou !
Tu feras bien, en train d'énergie,
De rendre un peu la Rime assagie.
Si l'on y veille, elle ira jusqu'où ?

Ô qui dira les torts de la Rime !
Quel enfant sourd ou quel nègre fou
Nous a forgé ce bijou d'un sou
Qui sonne creux et faux sous la lime ?

De la musique encore et toujours !
Que ton vers soit la chose envolée
Qu'on sent qui fuit d'une âme en allée
Vers d'autres cieux à d'autres amours.

Que ton vers soit la bonne aventure
Éparse au vent crispé du matin
Qui va fleurant la menthe et le thym…
Et tout le reste est littérature.

Поэтическое искусство

Шарлю Морису

Музыка — вот что на первом плане!
Нечетносложный держи размер,
Это подобье воздушных сфер:
Все невесомо, зыбко, в тумане.

И вот еще что не забудь: слова —
Темное к ясному подбирая.
Чем нам по нраву песня хмельная?
Тем, что таким подбором жива.

Этими взглядами под вуалью,
Этим летним зноем внахлест,
Этим сумбуром осенних звезд,
Охлажденных безмерной далью!

И вот еще что: не забудь намек,
Оттенок, который сквозит и тает,
Лишь он оправданно сочетает
Мечту с мечтой, а с флейтой рожок.

Пошлая шутка и смех порочный —
Гони взашей финальную дурь:
От них рыдает моя лазурь,
От этой кухни, насквозь чесночной!

А красноречью — под зад ногой!
Прочь, аномальное говоренье!
Рифму умерь, прояви терпенье,
А то уведет тебя за собой.

Кто же придумал эту пустышку —
Безумный дикарь? Глухое дитя?
Она позванивает шутя,
Но много опасного в ней излишку.

Музыку, музыку мне яви,
Чтобы стих твой, душой лелеем,
Уплывал за ней по аллеям
В другое небо, к другой любви.

Пусть он, стих твой, заложник бегства,
От рассветного ветра пьян,
Пахнет, как мята или тимьян…
Все остальное — в пределах текста!
[Верлен 2018: 71–73]

Источники

Верлен 2014 — *Верлен П.* Стихотворения: В 2 т. / Пер. с фр.; Подгот. Г. Косиков, В. Багно, И. Булатовский. СПб.: Наука, 2014. (Лит. памятники).

Верлен 2018 — *Верлен П.* Стихотворения = *Verlain P.* Poésies / Пер. с фр., сост., послесл. и коммент. М. Яснова. М.: Текст, 2018.

Яснов 2016 — *Яснов М.* Обломки опытов: Из французской поэзии. Переводы. Комментарии. Заметки на полях. М.: Центр книги Рудомино, 2016.

Литература

Багно и др. 2014 — *Багно В. Е., Булатовский И. В., Яснов М. Д.* Отчаянная любовь. Поль Верлен и его русские переводчики // Верлен П. Стихотворения: В 2 т. / Подгот. Г. Косиков, В. Багно, И. Булатовский. СПб.: Наука, 2014. (Лит. памятники). С. 407–505.

Шор 2015 — *Шор В.* Субъективное и объективное в художественном переводе // Шор В., Шафаренко И. Избранные переводы / Изд. подгот. Н. Р. Нейман, Ю. В. Шор. СПб.: Петрополис, 2015. С. 382–396.

Эткинд 1969 — *Эткинд Е. Г.* Лирика Поля Верлена // Верлен П. Лирика. М.: Худ. лит., 1969. С. 5–21.

References

Bagno, V. E., Bulatovskii, I. V., Yasnov, M. D. (2014). Otchaiannaia liubov'. Pol' Verlen i ego russkie perevodchiki [A desperate love. Paul Verlaine and his Russian translators]. In P. Verlen [= Verlaine]. *Stikhotvoreniia* [Poems]. G. Kosikov, V. Bagno, I. Bulatovskii (Eds.) (Vol. 1), 407–505. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Etkind, E. G. (1969). Lirika Polia Verlena [Paul Verlaine's lyrics]. In P. Verlen [= Verlaine]. *Lirika* [Lyrics], 5–21. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).

Shor, V. (2015). Sub"ektivnoe i ob"ektivnoe v khudozhestvennom perevode [The subjective and the objective in literary translation]. In V. Shor, I. Shafarenko. *Izbrannye perevody* [Selected translations]. N. R. Neiman, Iu. V. Shor (Eds.), 382–396. St. Petersburg: Petropolis. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Михаил Давидович Яснов
независимый исследователь,
поэт, переводчик (французский язык),
детский писатель,
член Союза писателей Санкт-Петербурга
Россия, Санкт-Петербург
✉ *yasnovmd@mail.ru*

Information about the author

Mikhail D. Yasnov
Independent Researcher,
Poet, Translator (French), Children's Writer,
Member of St. Petersburg Union of Writers
Russia, St. Petersburg
✉ *yasnovmd@mail.ru*